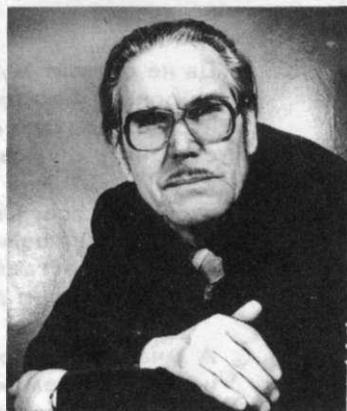

ФЕДОР УЯР

Уяр Федор Ермилович родился в 1914 году в деревне Сухари-Матак Самарской области. Учился в Благовещенском и Чувашском педагогических институтах. Автор десятков книг на русском и чувашском языках: «На реке Сок» (1955), «Тенета» (1981), «Три дня, три ночи» (1967), «Дорогой гость» (1969) и др.

Член союза писателей, народный писатель Чувашской Республики.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ МАЛЕНЬКОГО КИТАЙЦА

РАССКАЗ

Перевела ЗОЯ РОМАНОВА

Так умирает детство на рассвете,
Когда тускнеют звездные огни,
Так умирают племена и дети,
Так взрослыми становятся они...
О смутный час младенческих видений,
Последний сон на утренней заре...

Радуле СТИЙЕНСКИЙ

В чужой неведомой степи, далекой от родного дома, Ли Хуану, китайскому мальчонке, снится сладкий сон. Будто наступает рассвет, и Ли Хуан оказывается в родной стороне — караулит просяное поле от диких кабанов. А вот и незваные гости пожаловали: от лесной опушки к полю движется клыкасто-щетинистое стадо. Кабаны безжалостно срывают длинными рылами распустившиеся, как павлиньи хвосты, метелки проса и прут, прут в самую середину поля. Мальчик явственно слышит их противное чавканье. Он пытается сорваться с места, чтобы прогнать ненасытных нахалов, но ноги его почему-то не идут...

Возле чучела кабаны вдруг чего-то не поделили, и завязалась драка. Визжат, хрюкают, кусают друг дружку! А Ли радуется, прямо ликует: так вам и надо, черти прожорливые! И вдруг он увидел отца... Откуда он тут взялся, его же забрали дьяволы?* Да, да, и отца, и мать Ли увели с собой, а потом, говорят, убили. Но Ли не верил в это, не хотел верить и вот, выходит, оказался прав!.. А отец с длинной хворостиной в руках уже гонит с поля непрошенных гостей. Чтобы лучше разглядеть его, Ли выбирается из шалаша...

«Боже, сделай так, чтобы мой сон стал явью, сделай, господи...» — шепчет мальчуган, не сводя умоляющих глаз с фигуры отца. Наконец щетинистое племя скрылось в лесу, и мальчик с отцом, ступая рядом, возвращаются домой... Эх, знать бы маленькому сердцу, что ждало их там, в деревне, ни за что бы не пустил отца!.. Но как остановить то, что однажды уже свершилось?..

Землянки, землянки, землянки... Это фанзы — домишки бедняков, приютившихся у подножия горы близ деревни. Жилище Ли — с самого краю и, пожалуй, самое убогое. Правда, и у остальных не лучше. Денег здесь нет. Еды — нет. Одежды — нет... Даже мужчин нет на этой улочке: надеясь хоть как-то выбиться из нужды, они разбрелись по белу свету — кто-то гнет спину на хозяина, кто-то запряг

Хёветёр Уяр. Пёр ача пурнаёсене вилёмё.

*Так звали китайцы в 1932—1937 гг. японских оккупантов. Авт.

себя в двуколку рикши. Но нужда все равно цепко держит их в своих лапах. Не вернись три дня тому назад отец Ли, насиделись бы и они с матерью голодными. А сейчас вон как вкусно тянет от их фанзы — мать что-то жарит на сковородке. Как-то Ли услышал разговор отца со стариками и ночь напролет не мог заснуть — все думал и думал об услышанном. Оказывается, его отец работал в каком-то городе на севере страны, и совсем неподалеку от него — через границу — живут русские, их дети все до единого учатся в школе. Правда, раньше и у русских были злые и богатые люди, они-то и хозяйничали в стране, как сейчас японцы в Китае, но бедняки их прогнали и теперь сами хозяева. Отец сказал, что заберет с собой в город и сына с женой, то есть его, Ли, и маму. Вот было бы здорово! Только бы скорее — страх как хочется увидеть эту страну! Ли бы тоже стал вместе со всеми учиться. Постой, а ведь отец сказал, что земля эта лежит через границу? И что же за штука такая — граница? Может, ее и одолеть будет невозможно? Да нет, пожалуй, она не шире межи, что разделяет рисовые загоны, через нее перешагнуть — раз плюнуть!

Да, такова уж человеческая природа — непременно хочется увидеть невиданное, но и с родными местами жаль расставаться. Здесь все лето тепло. Даже о зимних холодах забываешь, когда все эти дни приходится сидеть дома. А чего стоит послушать, как журчит по камушкам маленькая речка, что протекает неподалеку от их домика! Она будто песенку таинственную напевает. А какие тут умные зверьки да животные! Вон их черная свинка с белыми ресницами — она же сама себя кормит, никто и нужды с ней не знает. Утром, деловито похрюкивая, она отправляется в горы и, почитай, целый день бродит там, выискивая корм.

Или взять тех же кур. Они всеми днями носятся за прыгучими кузнечиками и тем сыты.

Приспосабливаются к нелегкой жизни и люди. Крыши землянок — фанз плоские, и мать Ли ухитрилась посадить там мелкий лук. По старинному обычаю, жерла печей у всех выведены на улицу. Ли смотрит на хлопочущих возле печки отца и мать и радуется: вот-вот его позовут завтракать. Потом он отправится сторожить просяное поле. Когда солнце начнет припекать, он искупается в речке. Кабаны в это время не сунутся в поле — они не любят жары и хоронятся в лесной глуши.

В один из вечеров на улице загудела машина. Через минуту кто-то сорвал дверной занавес, обшарил карманным фонариком убогую фанзу. Японские солдаты...

— Лай-ла! (Прибыли!) — оповестил «гостей» незнакомый китаец, что привел их в дом Ли.

Отец быстро поднялся, стал одеваться.

— Шима-ши? (Что случилось?) — спросил тихо.

— Ни ши ого-шень, ши буши? (Ты русский?) — спросили японцы.

— Нет, я сын Ханя. Я китаец, — ответил отец Ли.

— Ты русский! Коммунист! — заорал солдат, и японцы, подхватив отца под руки, увели в ночь. Гулко хлопнула дверца машины.

Мать Ли истошно закричала на улице:

— Помогите! Спасите! Люди, помогите... — Голос ее внезапно оборвался, и снова хлопнула дверца автомобиля.

Отчаянно завизжал было поросенок, но прозвучал короткий выстрел, и все стихло.

Не помня себя от страха, Ли выбежал на улицу. «А-а, коммунистический выкормыш!» — процедил один из японцев, и мальчик больно ударился о что-то твердое...

Очнулся Ли только на третьи сутки. Лицо его было сплошной синяк, тягучей болью ныл правый бок. И нестерпимо хотелось есть... Когда он спросил у соседки-старушки, где его родители, та заплакала и сказала:

— Нету у тебя боле родителей, убили их...

Но ее тут же сердито оборвал старик:

— На север они ушли, работу искать. Не слушай ты ее и никого не слушай. А тебя отец не взял, потому как там холодно. Поработают малость, а потом и вернутся. К тому времени и ты подрастешь. Ты же мужчина, Ли! Вырастешь — будешь, как отец, бравый да сильный. Так-то, сынок. Пока поживи с нами...

Ли зябко вздрагивает и просыпается. Кругом темное поле, отовсюду задувает холодный ветер. В небе перемигиваются звезды. С юга, похожие на отдаленный гром, то и дело доносятся оружейные раскаты.

Третий день идет маленький Ли Хуан на север. Вначале у мальчика были и еда

— рис, и одежонка — что-то вроде курточки. Но рис он уже съел, а куртку отняли незнакомые мальчишки. На нем сейчас остались ветхая рубашка и ватные штаны. Днем в этой одежке нестерпимо жарко, а ночью запросто можно окоченеть.

Проходя через селения, Ли едва успевал сглатывать голодную слюну — запахи пищи туманили голову. Конечно, можно протянуть руку, как все попрошайки, и пропеть жалостливо: «Та-бан, камшо», «та-бан, камшо» (Подайте что-нибудь, господин!), — глядишь, и утолил бы голод. Но мальчик не из той породы людей. Он скорее умрет, чем попросит милостыню. А предложить что-нибудь сделать, выполнить какую-либо работу у зажиточных крестьян — у него не хватает догадки. Вот и спасается сейчас тем, что налушит горстку-другую зерен гаоляна — и то с оглядкой, нет ли кого поблизости? — бросит их в рот и грызет, как суслик. Да, вся жизнь его как-то враз перепуталась, смешалась. Была у него добрая мать; бывало, он еще и не скажет, что проголодался, а она уже несет ему что-нибудь из еды. Был отец, хотел взять их вместе с собой на север. За что их убили? Только потому, что у хунхузов было ружье?..

Ли идет на север. (По крайней мере, он уверен, что идет на север. На самом деле он еще вчера повернул на запад. Но мальчишка и не подозревает об этом). Ему хочется поскорее встретиться с людьми, которые знали его отца. Пусть они говорят на другом языке, но поймут горе мальчика несомненно. Иначе не стоит и жить на этой земле, если он не встретит таких людей. Ведь не зря же так много говорят о той великой стране, что на севере. Отец жил на самой границе с нею, не раз он с доброй завистью рассказывал о том, что видел. И даже пел русские песни.

Ли останавливается как вкопанный. А может, живы все-таки отец и мать? Может быть, не убили их хунхузы и все случившееся той ночью — кошмарный сон? И зря, наверное, сбежал он из дому: вдруг они вернулись и ждут его там, волнуются?..

Ли растерянно оглядывается назад. Делает он это первый раз за все дни пути. Интересно, куда теперь ближе — назад, к дому, или на север, куда он идет?

Та страна ему кажется похожей на раздольную степь — такая же свободная и красивая. Только почему так трудно до нее добираться? Ли еще никому не успел сделать никакого зла. Почему же так много против него на этой земле?

Ах, как хочется увидеть эту сказочную страну!..

На пути Ли стала веселая журчащая речка. Весной и осенью она, наверное, бывает полноводной и растекается широко, сейчас же ее пологие берега устланы чистым мелким песком. На горизонте, где сходятся земля и небо, виднеется белая гора. Как же я через нее перейду? — испугался мальчик. — Может, надо немножко отдохнуть, набраться сил? И Ли, свернув с дороги, блаженно растянулся на горячем песке и уснул.

...Проснулся он под вечер. Вскочил в испуге и тут же опустился наземь — закружилась голова. Оглянулся кругом и ничего не увидел. Что это? Неужели он ко всему еще и ослеп?

* * *

Ли очнулся от прикосновения чьих-то ласковых рук. Открыв глаза, он понял, что видит, и страшно обрадовался. Возле него сидел шуплый мужчина с жиденькой косичкой. Ли показалось, что незнакомец смотрит на него как-то виновато.

— Я разбудил тебя?

— Я не спал, — торопливо ответил Ли, радуясь тому, что наконец-то ему есть с кем словом перемолвиться. — Давеча немножко подремал, а сейчас просто лежал. Отдыхал.

Мужчина приветливо улыбнулся.

— Коль устал, конечно, надо отдохнуть. А может, ты и проголодался?

— Проголодался, — не скрыл Ли.

— На-ка вот попей молочка. Я тут коз стерегу, пастух я.

Ли одним махом опорожнил глиняную посудину.

— Вкусно, — сказал благодарно.

Мужчина с косичкой обрадованно заговорил:

— Козье молоко вкусное и полезное. Коза очень умная животина: выбирает только самую полезную травку, а не ест все подряд. Так ты пойдешь со мной в деревню или тут останешься?

— Пойду, — согласился Ли и, почувствовав в словах и взгляде незнакомца жалость к себе, вдруг расплакался.

В деревню они вошли уже в полной темноте. Пожилая радушная хозяйка — жена пастуха — накормила их горячим молочным супом и рисовой кашей. Потом Ли стал умываться теплой водой из таза и не заметил, как заснул. Заботливые хозяева перенесли мальчика на кан-лежанку, старательно вытряхнули пыльные шаровары мальчика, а жена пастуха выстирала и повесила пропотевшую рубашонку.

Называя друг друга, по деревенскому обычаю, братом и сестрой, хозяева, тихо переговариваясь, вышли на улицу, присели возле фанзы.

— Ты видела, сестрица, как выбился из сил наш маленький гость?

— И не говори, брат. А худой-то, худой — одни кости да кожа. Где ты его нашел?

— На берегу реки он спал. То ли родители его бросили, то ли...

— Да что ты, братец, кому в голову придет бросить такого славного ребенка? Вон он какой красивый. Глаза живые, как бусинки, и говорит ласково, будто ласточка щебечет.

— Нужда и не такому научит.

— А не согласится ли он остаться с нами, братец? Глядишь, на старости и за нами будет кому присмотреть?

— Я и сам о том подумываю, сестрица. Попробуем завтра, будто ненароком, речь завести.

Но на другой день немного узнали нового о мальчике пастух и хозяйка. Едва позавтракав, тот сразу заговорил о дороге, но добрая пастушка уговорила его подождать, пока она сошьет ему пиджачок. Да и шаровары надо сшить летние, эти вон какие тяжелые. И в дорогу еды какой-нибудь приготовить надо.

Женщина нарочно тянула время — три с лишним дня шила она маленькому гостю «обновку», а муж каждый вечер приносил ему что-нибудь вкусненькое — лягушку, рака, змею... А однажды вернулся даже с куропаткой; в другой раз ему удалось изловить зайчонка.

Все перепробовал за эти дни маленький Ли, но больше всяких деликатесов ему понравились пиджак и шаровары. Старые ватные брюки он клал под голову и спал на них, а «новую» одежду вешал на стену, рядом с постелью.

На третий день мальчик все же рассказал хозяевам, куда и зачем он идет. Услышав о «су-вей-ай» (Советской стране), пастух перепугался.

— Она же далеко, эта страна, сынок! Ее отсюда даже и не видно — горы да реки на пути к ней, безводные поля и холодные ночи. Ее и во сне редко кто видел. Как ты туда доберешься? Как одолеешь горы? Как выдержишь без воды? Может, осенью пойдем вместе? До этого и ты чуток подрастешь, и мне была бы подмога стадо пасти, а?

Ли молчал. Он думал: ну как же ему не идти в ту страну, ежели там его отец и мать?

Наутро жена пастуха сшила мальчику дорожную суму, уложила в нее сухарики, кусочки сушеного мяса, а сама понесла в поле мужу обед.

Пастух, внимательно взглядевшись в грустное лицо жены, сразу понял: Ли ушел.

* * *

Ли, миновав деревню, бегом припустил по узенькой тропе, что привела его к маленькой прозрачной речушке. Вода в ней была до того свежа и чиста, что Ли, даже не имея желания попить, хлебнул холодной влаги, припав животом к песку. Не испытывая голода, от нечего делать он достал из сумки один сухарь и сгрыз его. Потом легко, как козлик, прыгая с камня на камень, пересек говорливую речку.

Мало-помалу мальчик одолел гору, спустился в низинку. Вот он прошел цветистый луг, затем на его пути выросло просяное поле, которое напомнило о родной стороне. Ли не перестает удивляться одной вещи: его оставшаяся вне сегодняшнего дня жизнь кажется и не его вовсе, а какого-то другого мальчика. Одно связывает его с нею — кровь отца и матери, что горящим угольком жжет сердце, заставляет Ли двигаться дальше.

Мальчик уже не раз переменял направление, сам того не подозревая. Свернув с ровной дороги, он пошел так, чтобы солнце оказалось у него за спиной. Утром оно тоже было за спиной, в обед и вечером — тоже... Но мальчик был уверен, что идет

на север. Путаясь в высоких травах, он пересекал луга и поймы; огибал зерновые поля, какой бы длинной ни была дорога. Дитя земли, он знает, какой ценой достается хлеб: топтать посевы — все равно что ступать по хлебу.

Одну ночь Ли провел в пустом шалаше огородного сторожа, другую — на теплом песке среди бескрайнего поля. Вторая ночь была полна каких-то звуков — то будто слышался плач ребенка, то кто-то тяжело вздыхал и охал, то хохотал безудержно и жутко...

Проснулся он, когда солнце стояло высоко над землей. Голова почему-то отяжелела, щеки пылали огнем, хотелось пить. Ли попытался подняться, но не смог.

* * *

Небо затянули плотные облака, и Ли не знает, правильно ли он идет. Идет — и ладно. Из носу то и дело капает кровь, Ли размазывает ее по лицу, она засыхает корочкой. Мальчик торопливо семенит по бесконечному полю, а то вдруг остановится и повернет в другую сторону, и снова спешит, торопится. Куда ни иди — всюду темные облака, пустынное поле, жуткая тишина. Лишь изредка пронесется над головой шумная стайка каких-то мелких птишек — и снова все стихло. Ли начинает дремать прямо на ходу, спотыкается, падает и, проснувшись, широко распахивает глаза, с трудом поднимается на ноги. В одно из таких пробуждений он явственно увидел перед собой зеленую низинку. Наверняка, там должен быть ручей, решил мальчик и, собрав все силы, зашагал к спасительной зелени. И вдруг он увидел людей. Это были мужчины с длинными косами, скованные одной общей цепью. При малейшем их движении цепь громко звякала. Ли почуял нутром: это такие же несчастные, как его отец и мать. Китайцы... Но за что же заковали их в цепи?

Неподалеку от пленных людей, в тени деревьев, сидели кружком японские солдаты — обедали. Ли оказался не в силах отвести от них глаза. Бедняжка! Он, конечно, не сознавал, что перед ним оккупанты-японцы, что на дворе 1932 год, но он знал одно: это они, чужие люди с оружием в руках, убили его отца и мать. И он видел только их, хотя голод заставлял видеть и еду.

Японец-командир заметил уставившегося на него мальчика и пересел, повернувшись к нему спиной. Когда же он поднял голову, глаза его снова встретились с голодным взором ребенка. И тут офицер швырнул ему надкусанный кусок, словно собаке.

Но мальчик не бросился к еде, хоть и был страшно голоден, а отступил, все так же не сводя с японца глаз, к колонне пленных. Разъяренный офицер подскочил к мальчику и, больно схватив его за плечи, повернул спиной. Но едва он вернулся на место, как Ли снова смотрел на него глазами, полными ненависти.

— Чей это щенок? — заорал офицер.

— Мой! — выдохнула колонна китайцев, как один человек.

Офицер навел на мальчика пистолет. Раздался звук, вовсе не похожий на выстрел, — будто захлопнули раскрытую дверь. Но Ли, подогнув колени, сполз наземь, а потом ткнулся окровавленным лицом в зеленую мякоть травы.

— Чей это был щенок? — бесновался японец.

— Мой! — снова выдохнула колонна.

— Вперед! Марш! — скомандовал колонне окончательно взбесившийся японец.

Китайцы, коротко звякнув цепью, как один, разом опустились на землю...

* * *

К вечеру жители ближнего оазиса похоронили в одной могиле трех взрослых мужчин и одного ребенка.